

УДК 322(571.54/55)''195/196''(045)

*Е.В. Дроботушенко***АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ
В 1950-Х — НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ**

В статье на основе архивных документов характеризуются особенности официальной, институализированной религиозности забайкальских бурят во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. Автор отмечает, что на сегодняшний день заявленная в названии статьи проблема практически не изучена. Забайкалье в рассматриваемое время — это территория двух субъектов РСФСР: Бурят-Монгольской (Бурятской) Автономной Советской Социалистической Республики и Читинской области. Данные по религиозности населения Забайкалья в рассматриваемый период можно получить, главным образом, из отчетов уполномоченных Советов по делам религиозных культов и по делам Русской Православной Церкви, а с 1965 г. — Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Степень религиозности общества можно оценить по двум составляющим: институализированной — официально зарегистрированные религиозные институты, (религиозные объединения), действующие постройки культового назначения, священнослужители; неинституализированной, т. е. неофициальные религиозные структуры. Маркерами же измерения религиозной составляющей выступают: количество зарегистрированных религиозных объединений; построек культового назначения; священнослужителей; их территориальное расположение; число учтённых верующих-прихожан; суммы, поступающие из разных источников на нужды религиозных объединений; священные места; паломничества и др. Религиозность бурятского населения Забайкалья в основной своей массе проявлялась в исповедовании северной ветви буддизма — ламаизма. Отмечается, что, несмотря на серьёзную антирелигиозную направленность советской власти, бурятское население во многом оставалось религиозным. Было значительное количество прихожан, зарегистрированные религиозные объединения, культовые постройки.

Ключевые слова: буряты, религиозность, вера, обряд, священнослужители, верующие.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-92-99

Вопросы существования национальностей (этнических групп) в границах полиэтничного государства, каким является Российская Федерация, крайне важны для выстраивания поступательного развития общества. Это предопределено, с одной стороны, необходимостью толерантных отношений между этносами, с другой — важностью сохранения этнической идентичности. Для сохранения межэтнического мира в России необходимо знать историю отдельных национальностей, понимать важность сохранения особенностей их жизни и быта, культуры. Сказанное предопределяет актуальность темы настоящего исследования.

Советское время в истории отечественной государственности отличалось желанием властей сгладить различия между национальностями, а также изжить элементы религиозности их представителей. Серьёзная антирелигиозная борьба привела к определённым результатам, однако насколько удалось искоренить религиозность в отдельных этнических группах — вопрос достаточно спорный.

Объектом исследования являются забайкальские буряты, предметом — их официальная, зарегистрированная религиозность в сложный период антирелигиозной, атеистической политики власти во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.

Буряты — это народность монгольской группы. Территория их расселения в Забайкалье — район озера Байкал с востока и юго-востока, а также степные территории Восточного Забайкалья — агинские степи.

Изучение степени религиозности бурят Забайкалья находила отражение на страницах научных публикаций, причём это труды ещё досоветского периода. Наиболее серьёзный анализ получили шаманизм и ламаизм. Здесь можно сказать об исследованиях Н. Н. Агапитова, Б. Д. Базарова, Г. Р. Галдановой, Д. С. Жамсуевой, М. Д. Зомонова, Т. М. Михайлова, Б. Э. Петри, Л. А. Смолякова, Н. В. Цыремпилова и др. [1; 2; 4; 8; 10; 13; 14; 19–22 и др.].

Определённую характеристику получило в среде бурятского населения региона православие, однако специальных работ о нём немного. В то же время отдельные аспекты можно найти в обобщающих исследованиях по православной истории Забайкалья О. В. Бураевой, Г. С. Митыповой, В. Т. Михайловой, Б. З. Нанзатова, Т. Е. Санжиевой и др. [3; 11; 12; 15–18 и др.].

Особенностью основной массы имеющихся публикаций является то, что они в оценке религиозной составляющей бурят заканчиваются досоветским временем. О советском периоде специально, объёмного исследования на сегодня нет. Сказанное предопределило появление настоящей статьи.

Методология исследования опиралась на традиционные походы исторической науки: цивилизационный и формационный. Первый помог при характеристике черт бурятской официальной институализированной религиозности через оценку особенностей цивилизационных основ большой этнической группы. Второй подход важен в рамках характеристики черт социалистической формации со свойственной ей антирелигиозной, атеистической парадигмой.

В работе автор опирался на основополагающие принципы исторической науки. Принцип историзма дал возможность проанализировать институциональную составляющую в официальной религиозности бурятского населения Забайкалья в её историческом развитии. Принцип объективности позволил использовать только те факты, которые приводятся в источниках, без учёта субъективной составляющей при их оценке.

В основу исследования были положены общенаучные методы: сбор, анализ и синтез материала, а также специальные: сравнительно-исторический и системный. Первый позволил проанализировать аспекты истории в их сравнении, второй — рассмотреть большие явления как системы со свойственными им составляющими.

Религиозность бурят испытывала влияние окружающих религиозных групп. Изначально буряты являлись приверженцами шаманизма. Несколько позже они отошли к буддизму, к его северной ветви — ламаизму. Первый бурятский стационарный монастырь был построен ещё в 1741 г. — это был Тамчинский дацан. С середины XVII в. на бурят оказывало влияние православие, появившееся в регионе вместе с русскими первопроходцами, с казачьими отрядами, в составе которых находились православные священнослужители. В итоге, религиозность бурят получила особый «окрас». Буряты вплоть до настоящего времени исповедуют шаманизм, часть их представителей является православными. Однако основная масса на протяжении достаточно длительного времени является буддистами.

Проблема оценки религиозности общества в советское время связана со слабой информативностью источников. Очевидно, что в рамках антирелигиозной, атеистичной политики советского государства статистических данных о религиозности населения в сегодняшнем понимании не было. Единственный источник информации — это архивные документы. В плане отражения ситуации с религиозными процессами — это отчёты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР (с 1943 г.), Совета по делам религиозных культов при том же Совете (с 1944 г.), объединённого Совета по делам религий при Совмине СССР (с 1965 г.). Данный источник, при том, что он, по сути, является единственным, в реальности далеко не всегда даёт данные по религиозным процессам. Причём отчётная документация значительно отличается по регионам. И следует отметить, что Забайкалье по качеству отчётов находится далеко не на первом месте. Отчёты зачастую носили характер формальной отписки. В большинстве своём — это краткие статистические данные, в некоторых достаточно редких случаях можно встретить аналитические записки с оценкой ситуации, в то же время это, скорее, исключение из правил.

Основу исследования составили материалы отдельных дел Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), а также Государственного архива республики Бурятия (ГА РБ). Отсутствие в источниках отсылок на Государственный архив Забайкальского края обусловлено тем, что на сегодняшний день автором не найдены в его фондах дела по проблематике настоящего исследования.

Религиозность населения можно измерить через институализированную составляющую, т. е. существующие религиозные институты. При этом они могут быть как официальными, зарегистрированными, зафиксированными государством, так и нет. Первые — это действующие постройки культового назначения, зарегистрированные религиозные объединения, священнослужители, учтённые верующие — прихожане конкретного зарегистрированного прихода, поступающие финансовые средства и т. д. Вторые — это наличие и деятельность институционально незакреплённых структур, таких как незарегистрированные религиозные сообщества, служители культа. При сложности официальной регистрации в советское время второй компонент приобретает особую значимость. Однако отчётность давалась только по зарегистрированным институтам, по иным данные отрывочны и сегодня не дают возможности составить полную картину. В то же время определённая информация по ним имеется, а значит, попытка воссоздания религиозной ситуации в её историческом развитии отчасти возможна. Однако в данном исследовании речь пойдёт только об официально зарегистрированной религиозности забайкальских бурят.

Для характеристики религиозности бурятского населения очевидным является обращение, прежде всего, к буддизму, информация о котором, как отмечалось выше, получена из отчётов уполномоченных Совета по делам религиозных культов и переписки с ними. Уполномоченными Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР Бурят-Монгольской, а затем Бурятской АССР во второй половине 1950-х гг. были заместитель Председателя Совета Министров БМ АССР по социально-культурным вопросам Д. Л. Линхобоев, в 1960-е — первой половине 1970-х гг. — Д. Б. Очиржапов [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 11, л. 1; 9, с. 390]. Именно их имена чаще всего встречаются в документах.

Что касается Читинской области, то, к сожалению, на сегодняшний день достоверно установить имена и фамилии уполномоченных можно только, начиная с конца 1960-х гг., до того времени информация пока не обнаружена.

Работали уполномоченные в соответствии с планами, упоминания о которых встречаются в документах [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 11, л. 1]. Сами планы на данный момент нами не встречены. Отметим также, что не самой качественной была работа самих уполномоченных. Это становится очевидным из отчётной документации, а также из некоторых замечаний, к примеру, Совета по делам религиозных культов. Так, в марте 1957 г. появилось письмо на имя уполномоченного по Бурятской АССР тов. Д. Л. Линхобоева, в котором отмечалось, что Совет в течение полугода не получал от него никакой информации по вопросам религиозной жизни в республике. И это при том, что, помимо обычного обязательного отчёта, им должна была быть сдана докладная записка о состоянии религиозности населения Селенгинского и Еравнинского районов Бурят-Монгольской АССР.

О прошедшем ещё в июле 1956 г. буддистском молебне «майдари», на котором присутствовало около 600 чел. в Совет было сообщено через полгода. То же самое было с буддистским молебном «Сагба Дуйсэн»: о нём доложили через 4 месяца; о молебне «Зула Хурал» — через три. По правилам Совета, докладные записки о проведении столь значимых массовых мероприятий должны были появляться в течение нескольких дней.

Можно привести и ряд иных замечаний Совета в адрес своего уполномоченного по Бурят-Монгольской АССР, которые, с одной стороны, негативно характеризуют его работу, с другой — показывают те направления, в которых работали органы власти в плане религиозной составляющей жизни общества: «...Выводы должны подтверждаться фактами. Сравнительными, с прошлыми годами цифрами о количестве молящихся и поступивших пожертвований.

Вы до сих пор не сообщили в совет о ваших беседах с председателем духовного управления Шараповым.

Вы не выполнили требование о высылке записей приёмов служителей культа и верующих.

Планы работы и информационные ответы от вас поступают только после неоднократных напоминаний и с большим опозданием» [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 11, л. 8].

Несмотря на сказанное выше, именно отчёты дают нам основное представление о религиозности населения Забайкалья. Также отметим, что и сами уполномоченные по-разному относились к своей работе. Так, сменивший Д. Л. Линхобоева Д. Б. Очиржапов, на наш взгляд, более серьёзно относился к должностным обязанностям. Уже в августе 1958 г. он акцентировал внимание на необходимости приведения в порядок «буддистских объектов». Очевидно, что в советской антирелигиозной системе такое пожелание было продиктовано не заботой о культе. Причиной называлось постоянно возрастающее желание иностранцев познакомиться с жизнью буддистов Забайкалья. Читаем об этом в одной из записок на имя секретаря Читинского исполкома депутатов трудящихся тов. Матвеевой [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 11, л. 14].

В конце 1950-х гг. буддистов Бурятской АССР посетила делегация религиозных деятелей из Непала. Делегация приезжала по приглашению Духовного управления буддистов СССР с согласия Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. В состав делегации входили президент Непальского буддийского общества «Дхармодая Сабха» и вице-президент Всемирного братства буддистов Амритананда [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 16, л. 1]. Следует также отметить, что разрешение на приезд иностранных делегаций в Бурятию со стороны советских властей — это отражение их отношения к буддистской религии, понимание значимости буддистской религиозности в регионе.

Первыми после перерыва 1930-х — начала 1940-х гг. были открыты Иволгинский (1945 г.) на территории Бурят-Монгольской АССР и Агинский (1946 г.) дацан на территории Агинского Бурят-Монгольского автономного округа в составе Читинской области. С этого момента началось возрож-

дение официальной, институализированной буддистской религиозности на территории Забайкалья в послевоенное время. К сожалению, на сегодняшний день нет достаточно обширной информации о развитии буддизма в регионе в первое послевоенное десятилетие. Помимо дат открытия дацанов, упоминаний о службах, а также об открытии некоторых культовых построек в публикациях найти иные данные очень сложно. Мало их и в источниках.

Есть упоминание о том, что буддистская община в с. Иволга зарегистрирована в 1945 г., здание под молебны предоставлено местными жителями. В декабре 1945 г. в Иволгинском дацане прошла первая открытая служба «Сахюсун хурал», а в феврале следующего года новогодняя служба «Сагаалганай хурал». Первое культовое строение на территории Иволгинского дацана, Цогчен-дацан было возведено в 1948 г. Земля же под постройки всего монастырского комплекса выделена государством только в 1951 г. [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 32, л. 19].

В 1946 г. было организовано Центральное Духовное управление буддистов СССР [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 21, л. 26], однако данных о первоначальном этапе его существования также мало.

Относительно Агинского дацана приведённая дата открытия в 1945 г. традиционна для публикаций. В то же время в листе единовременного учёта религиозных объединений 1961 г. читаем: «...Дата регистрации 1949 г.» [6, ф. р-6991, оп. 4, д. 373, л. 2].

Информационная наполняемость источников относительно буддистской религиозности Забайкалья меняется во второй половине 1950-х гг. К этому времени относится появление в архивных хранилищах упоминавшихся выше более полных отчётов уполномоченных.

В январе 1957 г. появилось ходатайство от Центрального духовного управления буддистов СССР в адрес Совета по делам религиозных культов. В нём за подписью председателя Пандидо Хамбо ламы Еши Доржи Шарапова и заместителя Дид Хамбо ламы Жамбал-Доржи Гомбоева высказывалась просьба вернуть буддийские храмы в Гусино-Озерске Селенгинского аймака Бурят-Монгольской АССР и Цуголе на территории Читинской области [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 11, л. 2].

По этим вопросам было много ходатайств верующих. Превращение храмов в действующие дацаны имело бы, по мнению руководства буддистов СССР, большое политическое и общегосударственное значение [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 11, л. 2].

Вопрос о Гусиноозерском (ранее Тамчинском) дацане стоял на повестке дня в течение нескольких лет. В 1956 г. уполномоченному Совету было поручено со стороны Совета Министров Бурят-Монгольской АССР провести переговоры с бывшим Пандидо Хамбо ламой Лубсан-Нимой Дармаевым о передаче здания бывшего дацана в ведение Центрального духовного правления буддистов СССР, но последний отказался говорить об этом. Совет по делам религиозных культов обращался с просьбой к уполномоченному по Бурят-Монгольской АССР выйти с предложением в Совет Министров Бурят-Монгольской АССР об открытии в одном из зданий Гусиноозерского дацана действующей культовой постройки. Если решение будет положительным, рекомендовалось отправить документы на утверждение в Совет Министров СССР [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 11, л. 3].

К 1957 г. относится заявление председателя Центрального духовного управления буддистов СССР Пандидо Хамбо ламы Еши Доржи Шарапова и заместителя Дид Хамбо ламы Жамбал-Доржи Гомбоева о передаче в будущий Гусиноозерский дацан 108 томов Ганджура и 220 томов Данджура, а также полное собрание сочинений Цонхавы и знаменитую буддистскую статую «Дзандан Чжу» из Эгетуйского дацана. Все перечисленное было передано в музей во второй половине 1930-х гг. [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 11, л. 3–4].

Аналогичная просьба касалась будущего Цугольского дацана. Руководство Центрального духовного управления буддистов СССР просило передать туда предметы культа из Читинского областного краеведческого музея. Для уже действовавшего Агинского дацана высказывалась просьба о передаче большой статуи Будды, а также Ганджура и Данджура [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 11, л. 4].

К сожалению, как достаточно широко известно, вопрос о передаче верующим помещений Гусиноозерского и Цугольского дацанов в рассматриваемое время так и не был решен. Таким образом, вплоть до конца 1980-х гг. на территории Забайкалья было два официальных центра буддизма, Иволгинский и Агинский дацаны. При этом у руководства Центрального духовного управления буддистов СССР в конце 1950-х гг. возник вопрос о возможном количестве монашествующих буддистов. Он был задан Совету по делам религиозных культов, на что был получен ответ, в котором отмечалось, что количество лам в дацанах — это внутреннее дело Духовного управления. Об это его главе Е. Д. Шарапову говорилось во время его приёма в Совете в январе 1957 г. Отмечалось также, что Е. Д. Шарапов высказал мнение, что ламы должны быть лояльны к советской власти. Согласился он и

с тем, что ламы, желающие зачисления в штат, должны иметь заключение Духовного управления и представляться уполномоченному Совету для регистрации. О допуске имеющихся лам в штат дацанов вопрос было необходимо решать в каждом отдельном случае [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 11, л. 7].

Показатель религиозности общества — это наличие и степень почитания святых для верующих мест. На территории Забайкалья главным таким местом для буддистов в рассматриваемое время была одна из трёх основных священных вершин ламаизма — Алхана (Алханай). В некоторых документах именуется субурганом. Располагалась она в Бурят-Монгольском (Бурятском) автономном округе Читинской области [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 35, л. 8; 6, ф. р-6991, оп. 6, д. 1876, л. 8].

В Бурятской АССР, согласно документам, святых мест не было, паломники ездили в большом количестве, особенно летом на Алханай. В то же время известно, что в начале 1960-х гг. было много паломников в Иволгинский дацан, что привело к ограничению со стороны власти поездок туда такси [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 20, л. 2; д. 24, л. 5].

Известен перечень буддистских святых мест, особо почитавшихся бурятами на территории Читинской области в начале 1980-х гг. Очевидным является то, что сохранились они с довоенного времени и были в рассматриваемый в статье период. Все они на территории Агинского Бурят-Монгольского (Бурятского) автономного (национальный с 1958 г.) округа. В Агинском районе — это три обо: Будуон, Улан-Хада и Пунцук, в Дульдургинском — субурган в районе селения Узон, в Могойтуйском — субурганы Зугала, Саган-Челутай, Догой и Хан-Ула [6, ф. р-6991, оп. 6, д. 1876, л. 8].

Об обо документы говорят и относительно Бурят-Монгольской (Бурятской) АССР, правда, не называя их «святыми местами». Речь идёт о таковых на горах Капитанка, Клиентка, Хойсо-бор, а также на 500-км тракте «Улан-Удэ — Закаменск» [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 35, л. 8].

Таким образом, святых для бурят буддистских мест в Забайкалье было достаточно много, и посещались они в массовом порядке.

Ещё один показатель степени религиозности населения — это финансовые средства, которые оно готово пожертвовать на нужды религиозных объединений, а также внести в оплату обрядов. В середине 1950-х — начале 1960-х гг. доход Иволгинского дацана составлял от 265 тыс. руб. — в 1956 г., до 725 тыс. руб. — в 1960 г.; а Агинского, в 1961 г. — 828,7 тыс. руб. Здесь следует отметить, что значительная часть дохода — это взносы священнослужителей — лам, составлявшие в некоторые годы до половины поступавших сумм [5, ф. р-1857, оп. 1, д. 20, л. 2; д. 24, л. 3]. Однако и те суммы, что поступали по разным статьям от прихожан, представляются значительными и, на наш взгляд, позволяют говорить о значительной религиозности бурятского буддистского населения региона.

Относительно подробно охарактеризовав степень распространения в Бурятии буддизма, следует несколько слов сказать о шаманизме и православии.

Шаманизм, несмотря на вытеснение его ламаизмом, православием и иными учениями, а также, несмотря на постоянные гонения со стороны советской власти, в среде бурят сохранился. Краткие упоминания об этом встречаем в источниках. Однако очевидно, что он не мог существовать в официально институализированной форме.

Если о шаманизме в среде бурят в рассматриваемое время встречаются хоть какие-то упоминания, то о православии их на сегодня автором не встречено. Отметим, что даже признанный специалист по истории православия в Бурятии Г. С. Митыпова об этом, рассматривая послевоенный период, не говорит [11, с. 244–257]. В то же время, очевидно, что православные буряты могли являться членами официально зарегистрированных религиозных объединений.

Отметим, что архивные источники дают нам информацию по деятельности представителей иных религиозных учений на территории Забайкалья. Помимо православия, данных о котором относительно немного, речь идёт о незарегистрированных религиозных сообществах католиков, протестантов и последователей Свидетелей Иеговы. При этом последних на территории двух административных единиц РСФСР в Забайкалье, было значительно больше. О старообрядцах мы не говорим. Очевидно, что появление среди них бурят маловероятно. Единоверие в архивных источниках относительно рассматриваемого периода времени не упоминается.

Данных о наличии верующих бурят, исповедующих католицизм, протестантизм, а также последователей Свидетелей Иеговы, на сегодня не встречено.

Таким образом, можно констатировать, что официальная, институализированная религиозность бурятского населения Забайкалья во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг., как минимум, «имела место быть», а как максимум, была достаточно активной и широко распространённой. Она находила выражение в приверженности, в основной своей массе, к северной ветви буддизма — ламаизму.

Период после Великой Отечественной войны стал для религиозных учений на территории СССР своеобразной отдушиной. Речь идёт, прежде всего, о первых нескольких годах, причём объективности ради стоит отметить, что названный этап начался несколько ранее, в сентябре 1943 г., с момента широко известной встречи И. В. Сталина с высшими иерархами православной церкви и изменением отношения советской власти сначала к православию, а затем и к иным религиозным учениям. Выразилось это в открытии определённого количества культовых построек для служб, а также в регистрации религиозных объединений.

На территории Забайкалья, в отличие от иных территорий РСФСР, открытие храмов и регистрация религиозных сообществ носили единичный характер. Это свойственно для двух основных религиозных учений региона — православия и буддизма. По остальным религиям практически весь советский период зарегистрированных религиозных объединений не было, хотя существовало их относительно много, действовали они в основном нелегально.

Ламаизм нашёл выражение в таких институализированных структурах, как зарегистрированные и разрешённые государством религиозные объединения, действующие культовые строения. Они разделились на две больших административно-территориальных единицы РСФСР: Бурят-Монгольскую (Бурятскую) Автономную Советскую Социалистическую Республику и Читинскую область. В первой центром буддизма стал Иволгинский дацан, во второй — Агинский дацан. При этом в Читинской области находилось особо почитаемое бурятами-ламаистами место — горный массив Алхана (Алханай).

С момента открытия двух дацанов, а также с года открытия при Иволгинском дацане Центрального духовного управления буддистов развитие буддизма (ламаизма) в регионе шло стабильно поступательно, без особых резких изменений вплоть до смены социально-политической парадигмы во второй половине 1980-х гг. и коренной трансформации отношения к религии в государстве.

Несмотря на существование незначительного количества культовых построек, можно говорить о том, что буддизм, на официальном уровне, получил достаточно широкое распространение. Об этом свидетельствует количество прихожан и священнослужителей, которых было значительно больше, чем, к примеру, у официальных институтов православной церкви.

Значительным у бурят-буддистов, по сравнению с другими религиозными учениями, был объём финансовых средств, которые они тратили на религиозную составляющую жизни. Обобщающая оценка бурятской религиозности, с учётом данного критерия, может быть очень высокой.

Следует сказать, что буддизм в Бурятской АССР и Читинской области развивался, с одной стороны, зависимо — всё же Центральное духовное управление буддистов руководило всеми верующими. С другой стороны, религиозные связи между регионами были несколько ограниченными, а значит, и в развитии двух центров буддизма была определённая самостоятельность, оно шло, в своём роде, параллельно.

Обязательным для автора данных строк станет замечание о том, что проблематика, заявленная в названии, должна найти дальнейшее изучение. На сегодня нельзя сказать, что религиозность населения Забайкалья в советское время изучена в должной степени. Требуется дальнейшая серьёзная работа с источниками, прежде всего, с архивными документами, по воссозданию наиболее полной картины религиозной ситуации в регионе, и для автора это совершенно очевидно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агапитов Н. Н.* О божествах и идолах шаманствующих бурят // Известия ВСОИРГО. 1883. Т. 14, № 3. С. 45–63.
2. *Базаров Б. Д.* Тайнства и практика шаманизма. Улан-Удэ: Буряад унэн, 2000. 275 с.
3. *Бураева О. В.* Православие у бурят (XVII – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 55–66.
4. *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1857. Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров Бур. АССР, г. Улан-Удэ. 1944–1994.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р6991. Совет по делам религий при Совете Министров СССР. 1943–1991.
7. *Данзанова А. А.* Религиозная политика советского государства по отношению буддизма в Бурятии в 1920–30-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1998. 22 с.
8. *Жамсуева Д. С.* Агинские дацаны как памятники истории культуры: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 24.00.02. Улан-Удэ, 2000. 26 с.
9. *Злыгостева Ю. Г.* Документы Национального архива Республики Бурятия по истории государственно-церковных взаимоотношений в середине 1940-х – 1980-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2011. С. 389–393.

10. *Зомонов М. Д.* Бурятский шаманизм как целостная мировоззренческая система: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2003. 405 с.
11. *Митыпова Г. С.* История становления и развития православной традиции в Бурятии (XVII–XXI вв.): дис. ... д-ра истор. наук. Улан-Удэ, 2006. 390.
12. *Митыпова Г. С.* Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 231 с.
13. *Михайлов Т. М.* Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.
14. *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времён по XVIII век). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
15. *Михайлова В. Т.* Православие в духовной культуре бурят (30-е гг. XVII в. – 1917 г.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 1999. 174 с.
16. *Михайлова В. Т.* Роль православной церкви в распространении земледелия у бурят в конце XIX – начале XX века // Вестник культуры искусства. 2011. № 1(25). С. 58–62.
17. *Нанзатов Б. З.* Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX — начале XX вв.: трансформация идентичностей // Oriental studies. 2017. Vol. 33, iss. 5. P. 102–110.
18. *Санжиева Т. Е.* Особенности распространения православия среди бурят в XIX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология, религиоведение. 2011. № 2(7). С. 209–215.
19. *Петри Б. Э.* Степени посвящения монголо-бурятских шаманов // Известия БГНИИ при ИГУ. 1926. Т. II, вып. 4. С. 39–75.
20. *Петри Б. Э.* Старая вера бурятского народа: научно-популярный очерк. Посвящается памяти М. Н. Хангалова. Иркутск: [б. и.], 1928. 78 с.
21. *Смолякова Л. А.* История изучения бурятского шаманизма // Colloquium heptaplomeres. 2017. Vol. IV. С. 82–89.
22. *Цыремпилов Н. В.* Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – начало XX в.). М.: PRINTLETO.RU, 2013. 335 с.

Поступила в редакцию 19.01.2020

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук,
 декан историко-филологического факультета
 ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30
 E-mail: DRZZ@yandex.ru

E.V. Drobotushenko

RELIGIOSITY OF TRANS-BAIKAL BURYATS IN THE CONDITIONS OF ANTIRELIGIOUS POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE 1950s – EARLY 1960s

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-92-99

In the article, on the basis of archival documents, the features of official, institutionalized religiosity of Transbaikal Buryats in the second half of the 1950s – early 1960s are characterized. The author says that at present the problem stated in the title of the article is practically not studied. Transbaikalia at the time in question is the territory of two subjects of the RSFSR, the Buryat-Mongolian (Buryat) Autonomous Soviet Socialist Republic and the Chita region. Data on the religiosity of the population of Transbaikalia, in the period under review, can be obtained mainly from the reports of the authorized Councils for religious cults and the affairs of the Russian Orthodox Church, and since 1965, the Council for religious affairs under the Council of Ministers of the USSR. The degree of religiosity of society can be assessed by two components: institutionalized one – officially registered religious institutions, such as religious associations, priests and existing buildings of religious purpose, and non-institutionalized one, i.e. unofficial religious structures. Markers of the measurement of the religious component are: the number of registered religious associations, buildings of religious purpose, priests, their territorial location, the number of registered believers-parishioners, the amounts received from different sources for the needs of religious associations, sacred places, pilgrimages, etc. For the Buryat population of Transbaikalia, religiosity was manifested, for the most part, in the Northern branch of Buddhism – Lamaism. It is noted that, despite the serious antireligious orientation of the Soviet government, the Buryat population largely remained religious. There were registered religious associations, religious buildings, there was a significant number of parishioners.

Keywords: Buryats, religiosity, faith, rite, priests, believers.

REFERENCES

1. *Agapitov N. N.* O bozhestvah i idolah shamanstvuyuschih buryat [Of the deities and idols of the shamanistic Buryats]. Izvestiya VSORGO [Proceedings of the ESDIRGS], 1883, vol. 14, no. 3, pp. 45–63. (In Russian).

2. *Bazarov B. D.* Tainstva i praktika shamanizma [The sacraments and the practice of shamanism]. Ulan-Ude, "Buryaad unen" Publ., 2000, 275 p. (In Russian).
3. *Buraeva O. V.* Pravoslavie u buryat (XVII – nachalo XX v.) [Orthodoxy among the Buryats (XVII – early XX century)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [The ethnographic review], 2010, no. 1, pp. 55–66. (In Russian).
4. *Galdanova G. R.* Dolamaistskie verovaniya buryat [Delamaide beliefs drilled]. Novosibirsk, "Nauka" Publ., 1987, 116 p. (In Russian).
5. Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Buryatiya [State archive of the Republic of Buryatia] (GARB). F. R-1857. Upolnomochennyj Soveta po delam religii pri Sovete Ministrov Bur. ASSR, g. Ulan-Ude. 1944–1994. (in Russian, unpublished).
6. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of the Russian Federation] (GA RF). F. R6991. Sovet po delam religij pri Sovete Ministrov SSSR. 1943–1991. (in Russian, unpublished).
7. *Danzanova A. A.* Religioznaya politika sovetskogo gosudarstva po otnosheniyu buddizma v Buryatii v 1920–30-e gg. [Religious policy of the Soviet state in relation to Buddhism in Buryatia in 1920–30-ies]. Avtoref. dis. ... cand. hist. sciences. Ulan-Ude, 1998, 22 p. (In Russian).
8. *Zhamsueva D. S.* Aginskie datsanyi kak pamyatniki istorii kulturyi [Agin datsans as monuments of cultural history]. Dis. ... cand. hist. sciences. Ulan-Ude, 2000, 26 p. (In Russian).
9. *Zlyigosteva Yu. G.* Dokumenty Natsionalnogo arhiva Respubliki Buryatiya po istorii gosudarstvenno-tserkovnyih vzaimootnosheniy v seredine 1940-h – 1980-e gg. [Documents of the National archive of the Republic of Buryatia on the history of state-Church relations in the mid-1940s–1980s.]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik* [Irkutsk historical and economic Yearbook], 2011, pp. 389–393. (In Russian).
10. *Zomonov M. D.* Buryatskiy shamanizm kak tselostnaya mirovozzrencheskaya Sistema [Buryat shamanism as a holistic worldview system]. Avtoref. dis. ... cand. hist. sciences. Saint-Petersburg, 2003, 405 p. (In Russian).
11. *Mityipova G. S.* Pravoslavnaya tserkov v Buryatii (XX–XXI vv.) [History of formation and development of Orthodox tradition in Buryatia (17–21 centuries)]. Dis. ... doc. hist. sciences. Ulan-Ude, 2006, 110 p. (In Russian).
12. *Mityipova G. S.* Pravoslavie v istorii i kulture Buryatii [Orthodoxy in the history and culture of Buryatia]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2005, 231 p. (In Russian).
13. *Mihaylov T. M.* Buryatskiy shamanizm: istoriya, struktura i sotsialnyie funktsii [Buryat shamanism: history, structure and social functions]. Novosibirsk, "Nauka" Publ., 1987, 288 p. (In Russian).
14. *Mihaylov T. M.* Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneyshih vremyon po XVIII vek) [From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the XVIII century)]. Novosibirsk, "Nauka" Publ., 1980, 320 p. (In Russian).
15. *Mihaylova V. T.* Pravoslavie v duhovnoy kulture buryat (30-e gg. XVII v. – 1917 g.) [Orthodoxy in the spiritual culture of the Buryats (30s XVII century-1917)]. Ulan-Ude, VSGUTU Press, 1999, 174 p. (In Russian).
16. *Mihaylova V. T.* Rol pravoslavnoy tserkvi v rasprostraneni zemledeliya u buryat v kontse XIX – nachale XX veka [The role of the Orthodox Church in the spread of agriculture among the Buryats in the late XIX – early XX century]. *Vestnik kulturyi iskusstva* [Bulletin of the culture of art], 2011, no. 1 (25), pp. 58–62. (In Russian).
17. *Nanzatov B. Z.* Buryaty v zone vliyaniya pravoslavnoy tserkvi v XIX – nachale XX vv.: transformatsiya identichnostey [Buryats in the zone of influence of the Orthodox Church in the XIX – early XX centuries: transformation of identities]. *Oriental studies*, 2017, vol. 33, is. 5, pp. 102–110. (In Russian).
18. *Sanzhieva T. E.* Osobennosti rasprostraneniya pravoslaviya sredi buryat v XIX v. [Features of the spread of Orthodoxy among the Buryats in the XIX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya, religiovedenie* [Izvestiya Irkutsk State University. Series: political Science, religious studies], 2011, no. 2 (7), pp. 209–215. (In Russian).
19. *Petri B. E.* Stepeni posvyascheniya mongolo-buryatskih shamanov [The degree of dedication of the Mongol-Buryat shamans]. *Izvestiya BGNII pri IGU* [News BGRI at ISU], 1926, T. II, vol. 4, pp. 39–75. (In Russian).
20. *Petri B. E.* Staraya vera buryatskogo naroda: nauchno-populyarnyy ocherk. Posvyaschaetsya pamyati M. N. Hangalova [The old faith of the Buryat people: a popular science essay. Dedicated to the memory of M. N. Khangalov]. Irkutsk, 1928, 78 p. (In Russian).
21. *Smolyakova L. A.* Istoriya izucheniya buryatskogo shamanizma [History of the study of Buryat shamanism]. *Colloquium heptaplomeris*, 2017, IV, pp. 82–89. (In Russian).
22. *Tsyirempilov N. V.* Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddiyskaya obschina v Rossii (XVIII – nachalo XX v.) [Buddhism and Empire. Buryat Buddhist community in Russia (18 – early 20 century)]. Moscow, PRINTLETO.RU, 2013, 335 p. (In Russian).

Received 19.01.2020

Drobotushenko E.V., Candidate of History, Dean of the faculty of History and Philology
Transbaikalsk State University
Alexandro-Zavodskaya st., 30, Chita, Russia, 672039
E-mail: DRZZ@yandex.ru